

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

**«КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

МАТЕРИАЛЫ
IV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Гродно 2009

УДК [008+001+37] (476)

ББК 71

К 90

Редакционная коллегия: Л.Л. Мельникова, В.В. Барабаш, В.В. Голубович,
П.К. Банцевич, И.В. Бусько, С.Г. Павочка, А.Г. Радков

Рецензенты: доктор философских наук, профессор Ч.С. Кирвель;
кандидат философских наук, доцент С.К. Чернецкая.

Культура, наука, образование в современном мире: материалы
К 90 IV Межд. науч. конф.; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.]. – Гродно
ГГАУ, 2009. – 548 с.

ISBN 978-985-6784-56-2

В сборник вошли материалы по актуальным проблемам современного социально-гуманитарного знания, а также по проблемам формирования образовательного пространства нового типа и использования инновационных технологий обучения. Статьи публикуются в авторской редакции. Достоверность публикуемых материалов и стиль ответственность несут авторы.

УДК [008+001+37] (476)

ББК

ISBN 978-985-6784-56-2

© Коллектив авторов, 2009
© УО «ГГАУ», 2009

...ности и традиций, удерживающих социум от аномии, приводит к историческому отказу от социокультурных установок как искусственных и эфемерных, к стремлению освободиться от дискредитированных себя аксиологических доминант. Вряд ли тотальный критицизм способен оказать конструктивное воздействие на изменение аксиосферы техногенного общества. Вне всякого сомнения, техногенное общество нуждается в модернизации. Это, в первую очередь, изменение исторического сознания по отношению к экологической проблеме, выстраивание принципиально иных установок во взаимодействии с другими культурами. Но в то же время нет необходимости отказываться от направлявших себя культурных традиций.

Модернизацию аксиосферы невозможно инициировать без достаточно целостной аксиологической концепции. Создать такую концепцию непросто. Главное, что сегодня происходит осознание того факта, что человечество находится накануне наступления такого социального состояния, которое не может регулироваться и управляться исторически ни одним из известных ранее способов.

Литература

- Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕР СЭ; СПб., Университетская книга, 2000. – 543 с.
- Гадамер, Г.Г. Актуальность прекрасного. Риторика и герменевтика / Г.Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
- Гарсия, Д. О понятиях «культура» и «цивилизация» / Д. Гарсия // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 228-234.
- Евдокимова, Л.М. Генезис научной картины мира (социокультурные предпосылки). / Л.М. Евдокимова. – М.: ИНИОН, 1985. – 237 с.
- Шакун, Л. Моунья арыенцёры і словаутваральны працэс. Беларусь паміж Усходам і Западам: праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага узасмадастання, дыялогу і сінтэзу / Л. Шакун. – Мн.: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – 362 с.

UDC 101.1:316

ЭКОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОСМИЗМА (к проблеме оснований взаимосвязи)

С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются содержательные характеристики философии русского космизма, раскрыты специфические способы ее актуализации в научном наследии Л.Н. Гумилева.

In the article the substantial characteristics of philosophy of Russian cosmism are ana-

lyzed, the specific ways of its actualization in L.N. Gumilev's scientific heritage are defined

Феномен русского космизма в последнее время привлекает к себе внимание исследователей самого разнообразного профиля. Историография его обширна, обширно и наследие, относимое к данной интеллектуальной традиции. Устойчивое внимание к космизму вызвано не только академическим интересом. В значительной степени оно коррелирует с современными тенденциями развития техногенной цивилизации, совокупностью порождаемых ею проблем природно-социального характера, приобретающими рельефно выраженный эколого-деструктивный характер. В этом отношении философия русского космизма может рассматриваться как своеобразный ответ на критично-ценностно-мировоззренческие ориентиры и духовно-интеллектуальных практик цивилизации XIX – XX вв. Проблемное поле космизма сохраняет свою значимость и для современности. Обращение к поднятой в рамках классической линии космизма проблематике включает в себя как необходимый момент рефлексии по поводу наследия, оставленного русскими космистами, так и вытекающую из него, но обладающую все же самостоятельным статусом сферу само-рефлексии современной цивилизацией противоречивого характера социоприродных взаимодействий.

О космизме принято говорить как о национальном русском явлении, наиболее полно отразившем специфику русской философии и культуры и сформировавшем перспективу, альтернативную новейшей европейской картине мира. Иногда формулируется точка зрения, в контексте которой космизм интерпретируется как «целый поток русской культуры» (С. Семенова), что позволяет подводить под него содержание практически всех концепций, авторы которых в той или иной степени утверждали сопричастность человеческого существования космическому бытию. И все же необходим дифференцированный подход к рассматриваемому феномену, учет как амбивалентности самой традиции космизма, неоднозначности трактовок его ключевых понятий, развитых в его границах современных концепций, так и объективных процессов космизации науки, мировоззрения и жизнедеятельности. С одной стороны, отмеченные процессы приводят к трансформации мировоззренческого плана, претендующим на снятие «онтологической обособленности» человека и природы. С другой стороны, ноосферная цивилизованность и «рациональная гуманность» оспариваются с позиций аксиологических критериев ноосферы как реальности, противостоящей диалектике жизни. Данное противоречие, формулируемое как противоречие между естественным и искусственным, вскрывает проблематичность истолкования ноосферогенеза в преимущественно по-

...тальной тональности ценностных характеристик. Более того, биосфера Вернадского как вариант абсолютной разумности и мировой гармонии построена по законам естествознания и «украшена»... «обеспеченными характеристиками добра, любви, человечности» [1, 142].

Непостребованность космистами этической компоненты в научном оформлении ноосферных воззрений в иной философской трансформации представлена в модальности антропокосмического синтеза, принимающего рельефно очерченную нравственную ориентацию [2]. Эволюционирующие позиции стимулируются конкретными разработками ноосферной модели устойчивого развития, коэволюции, перехода от цивилизации как ступени ноосферной цивилизации, обеспечивающей устойчивое равновесие естественной эволюции, критикой людских концепций, включающих в себя понятийно введенную В.И. Вернадским ноосферу как сферу искусственной постчеловеческой цивилизации, элиминирующей естественную реальность, телесность человека в итоге саму жизнь [3]. В указанном контексте концепция этногенеза И. Гумилева близка современным дискуссиям по проблемам ноосферной биосферы, экологического моделирования, коэволюционной перспективы, хотя выводы ее недостаточно востребованы современным знанием.

Ставя этногенетические и этноисторические процессы в зависимость от биосферных и космопланетарных факторов, Л.Н. Гумилев, предлагая превращаемость различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, физиологическую и психическую энергию человека – пассионарность, обнаруживает сходство теоретических воззрений с идейным полем «русского космизма», в частности с учением В.И. Вернадского о биосфере, гелиофизическими изысканиями А.Л. Чижевского. Определенное совпадение во многом является основанием для отнесения концепции этногенеза к философии «русского космизма» [4, с. 215], что не всегда оправдано, поскольку не сопровождается соответствующей рефлексией оснований концепции и имеет преимущественно описательные основания.

В отличие от авторов, предлагающих искать подлинное значение идей Л.Н. Гумилева в евразийстве, этнографическом знании или историческо-философской концепции, аналоге цивилизационных построений Тойнби, О. Шпенглера и др., истинное значение концепции этногенеза лежит в русле иной традиции. Этнология Гумилева тематически и проблемно погружена в систему космопланетарных связей, рассматривает человека через этнические структуры в плане его природного (биосферного) аспекта существования через призму естественнонаучного

знания и естественнонаучной методологии. Заимствуя сформулированные В.И. Вернадским биогеохимические принципы, Л.Н. Гумилев выстраивает общую модель этногенеза, в рамках которой звеном, связующим природное и социальное измерения бытия, выступают этнические структуры. Натурализм естествоиспытателя привлекает Гумилева своей междисциплинарностью, целостным видением природы.

Представленный в концепции биосферы В.И. Вернадским человек в качестве геологической силы образует фундаментальное противоречие природы. Его обособленность в природе определена его разумностью. Это переопределяет не только содержательные, но и функциональные взаимодействия человека с биосферой, вызывая новые типы детерминации. Выходя за рамки природы, человек и его разум выходят и за пределы биотического круговорота. Детерминация биосферной сущности человека приводит к установлению его централизма как объективации им внеприродной сущности его бытия, доопределения человеком мира (природы), исходя из конструирования неприродных средовых факторов [5]. Очевидно, что биовещественный и антропознергетический аспекты взаимодействия человека с окружающей средой не могут быть осуществлены вне контекста самой человеческой деятельности. Раскрытие сущности человеческой активности и человека в целом невозможно вне рефлексии способов его предметно-практической деятельности и направляющих ее структур сознания.

Скепсис Л.Н. Гумилева в отношении ноосферных представлений, несмотря на рецепцию им биосферной концепции В.И.Вернадского, не может быть объяснен исключительно избирательным отношением к наследию естествоиспытателя. набросок ноосферной концепции свидетельствует, что применяемая Гумилевым естественнонаучная методология и созданная им естественнонаучная концепция моделирования этногенетических процессов истории, несмотря на широту охвата, не позволила Гумилеву увидеть вслед за В.И. Вернадским более глубокий и мощный, нежели исторический процесс, процесс становления ноосферы – процесс, по В.И. Вернадскому, природно-исторический. Становление ноосферы связано с появлением человечества как единого целого, выступающего в качестве ее предпосылки. Ноосфера, таким образом, – это становящееся качество не только истории человечества, но и истории Земли. Единство человека и биосферы, проявляющееся во взаимосвязи исторических процессов и палеонтологической истории человека разумного, логически завершено В.И. Вернадским в положении об обусловленности человеческой истории и динамики биосферы ходом развития научной мысли, в рамках которой «человек впервые осознает себя как существо планетарное», которое «может и должно

... и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, но и в планетарном аспекте» [6, с. 274]. Областью реализации планетарной сущности человека является область жизни – изменяемая в ходе практической осмысленной деятельности биосфера.

Различие гумилевской транскрипции биосферной концепции обусловлено дискретностью этнической истории, разрывами этногенеза, оставлявшими для него возможности увидеть манифестации единства человечества – единства, отличающего человека и человечество в целом от всего живого и определяющего возможность их большей независимости от биосферы и ее условий. Единство биосферы, постижимое через параметры ее организованности, и отнесение этнических процессов к классу биосферных явлений, не дают достаточных оснований утверждать вслед за Гумилевым, что человечество в биосферном аспекте не представляет единства. В.И. Вернадским это единство мыслилось как продолжение биосферной эволюции, сравнимое с биологическими трансформациями в истории планеты. Реально космический характер жизни схвачен им в направлении эволюционных преобразований живого вещества. При этом эволюционный процесс соотносится биологическому единству и равенству всех людей [7, с. 183]. Гумилевский видел в этом «закон природы». Его прочтение Гумилевым преципировало первичность в анализе природности человека и форм коллективности. Однако Гумилев в достаточной степени не раскрыл особенности природного аспекта бытия человеческой коллективности, хотя постановка проблемы и наброски ее решения представляют значительный интерес. Социальная активность человека описана им как процесс, наложенный на биосферу и, видимо, искусственный, чуждый ей. Мысль, вытекавшая из ранних представлений Вернадского и обоснованная в концепции этногенеза нарушающим естественные моменты воспроизводства природных циклов техногенным фактором, нова. Но вполне очевидно, что социальный характер человеческой активности не может рассматриваться в качестве внеположенного природе. Генезис человека и его эволюция есть закономерный этап эволюции биосферы. В силу этого активность человека «погружена» в биосферу, а ее характер генетически, структурно и функционально является способом связи человека с природой и одновременно способом активации его эволюционной сущности. Эволюционный аспект представлен В.И. Вернадским шире, нежели Гумилевым. Понимание эволюции Земли как единого космического, геологического, биогенного и этногенного процесса свидетельствует, что обобщение В.И. Вернадского справедливо в концепции этногенеза только в своей части, а Гумилев элиминирует анализ человеческой активности и человека

как существа, продолжающего и направляющего эволюционный процесс.

Теоретическая слабость позиции Л.Н. Гумилева обусловлена неразработанностью социальных аспектов диалектики взаимодействия человека и природы. Отсюда – отрицание ноосферы, отождествление ее с техно- и социосферой как порождением искусственного, логику развития которого противостоит логике жизни, «она значима полярна ей как логика техники» [8]. Следствием такой позиции может являться представление об искусственности самого разума, что согласуется с размышлениями В.И. Вернадского концептуализировавшего разум (сознание и мышление) в ряду эволюционных представлений. К тому же ссылаясь на психологические свойства человека как условие определения социоприродных взаимодействий оставляет открытым вопрос «об их основаниях» природных и социальных систем и способов опосредования связей между природой и обществом, понимаемого в плане замещения действиями человека действий природных сил. Экологическая проблематика, увязанная с общим контекстом этногенеза и ноосферной парадигмой мышления, выводит в область философско-антропологической рефлексии. Она может быть осмыслена в разрыве сущности и существования. Рефлексия родовой сущности человека обнаруживает проблематичность ее существования в исторической ситуации, когда человек становится «решающей геологической силой». Теоретически проблематично доопределения мира и своей сущности человеком в субстанциальном онтологическом смысле не может быть раскрыта в совпадении содержания и условий жизни, на чем, собственно, основан антропоэкологический контекст этнологии Л.Н. Гумилева. «Технология цивилизации, – полагает Ф.И. Гиренок, – зависит от замещения человеком сущности стихийно-естественных процессов, т.е. от того, что именно из содержания жизни переводится в план естественного, что в план искусственного» [9, с. 55]. С этих оснований природа есть естественная система, социальное, в свою очередь, естественное, но не природное образование, но оно мыслимо в качестве такового только через основание искусственного. Парадоксальность интерпретации разрешима специфическим способом рефлексии как сферы «синтеза», искусственное субстанциально не детерминировано именно в плане внутренней субстанциальной сущности. В свою очередь доопределяемость объективной структуры естественной системы искусственным основана на онтологической недоопределенности мира его объективной структурой. Следовательно, человек есть то, что

объективизирует Космос и тем самым субстантивизирует его объективность [9, с. 156]. В этом случае не лишено основания видение Ф.И. Гиренко, порывающее с классическим естественнонаучным пониманием природы: «ноосфера не предмет, который мы видим, а скорее видения в природе того, что своим существованием зависит от нас» [9, с. 156]. Если придерживаться сформулированной Ф.И. Гиренко позиции о том, что отправной посылкой русского космизма является опыт историцистского сознания, оставляющего возможность свободного доопределения мира человеком, то приходится констатировать несоблюдение данной посылки в концепции космизма. Приходится согласиться и с тем, что мировоззренческие концепции русских космистов, введивших идею онтологической ограниченности человека, природы и космоса, оказались предельно объективизированы Л.Н. Гумилевым, что проблематизирует возможность созданной им этнологии философии русского космизма.

Литература

- Мапельман, В. Этико-экологические тупики русского космизма / В. Мапельман // *Экологические науки и современность*. – 1996. – № 1.
- Дуденков, В.Н. Русская идея и русский космизм / В.Н. Дуденков // *Вече*. – 1996. – Вып. 6.
- Кутырев, В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура / В.А. Кутырев // *Вопросы философии*. – 1996. – № 11.
- Концепции современного естествознания: учеб. для вузов / В.Н. Лавриненко [и др.], под ред. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
- Туровский, М.Б. Концепция В.И.Вернадского и перспективы эволюционной теории / М.Б. Туровский, С.В. Туровская // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6.
- Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988.
- Вернадский, В.И. Начало и вечность жизни / В.И. Вернадский. – М.: Советская Россия, 1989.
- Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: Танаис Ди-дик, 1994.
- Гиренко, Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф.И. Гиренко. – М.: Наука, 1987 // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6.